

Самое страшное заключалось в том, что он даже испытывал желание покориться этому человеку, похожему на черного посланца загробного мира. Это был самый примитивный и первобытный страх перед могущественным существом, укорененный в человеческой ДНК. Всепоглощающее чувство беспомощности заставило его феромоновую железу у основания шеи судорожно сжаться.

Чудовище... Неужели он чудовище?!

Мозг Цзян Юйнина превратился в кашу, в голове крутилась лишь одна навязчивая мысль — Альфа, способный так незаметно подавить его, может быть только чудовищем!!!

Удары Хэ Чжу продолжали обрушиваться на тело Цзян Юйнина, глухие звуки бум-бум-бум сопровождалась болью от переломов костей и разрывов сухожилий. Он бил по самым мягким и уязвимым местам, действовал жестоко и безжалостно, при этом его выражение лица оставалось невозмутимым, как гладь древнего колодца. Его черная одежда была безупречно ровной, даже манжеты аккуратно застегнуты. Если бы не вопли лежащего внизу человека, можно было подумать, что он просто участвует в обычной совещании.

— Пошел вон.

Хэ Чжу пнул Цзян Юйнина ногой, затем тщательно вытер с рук кровь — его босс брезглив и не терпит грязи.

Цзян Юйнин, словно получив помилование, в буквальном смысле покатился прочь.

— Опоздал, прости, — голос Хэ Чжу дрожал почти незаметно.

Только сейчас в нем появилась трещина, через которую прорвались эмоции.

Запоздалый страх.

Стотысячная доля страха.

Если бы он не поинтересовался у режиссера об этой ситуации, последствия могли быть непредсказуемыми.

В воздухе запах феромонов Альфы уже почти рассеялся, но слабые остаточные нотки, проникшие в ноздри Хэ Чжу, разожгли в нем бушующее пламя ярости.

Гнев и страх переплелись, заставляя его душу содрогаться.

Для него Янь Жунцю был одновременно снегом и фарфором. Даже держа в ладонях или прижимая к груди, он боялся, что снег растает, а хрупкий фарфор разобьется. Посторонним же нельзя было даже помыслить о нем.

Одна лишь греховная мысль считалась великим неповиновением.

Но этот мерзавец посмел применить к Янь Жунцю такую гнусную уловку! Смерть ему! Стоит смерти!

Даже тысячи порезов не искупят его вину!

Собрав всю силу воли, Хэ Чжу, с тяжело вздымающейся грудью, подавил бушующие эмоции и спокойно спросил:

— Господин Янь, с вами все в порядке?

Именно «в порядке», а не «все ли хорошо».

Янь Жунцю понял.

— Конечно.

Сердце Хэ Чжу, застрявшее в горле, наконец упало на место.

Глухой удар бум отозвался в груди, но покоя это не принесло. Ритм был сбитым, пульс учащенным, каждый удар заставлял его вспоминать ту ночь три года назад.

Почему он, всегда обладавший поразительным самообладанием, тогда потерял контроль, оставалось неразгаданной тайной с той самой ночи. Теперь же добавилась еще одна загадка, упрямо засевшая в его сердце — неужели Янь Жунцю реагирует только на его феромоны?

Возможно ли это?

В некотором смысле, стал ли он наконец для него особым существом?

Возможно ли это?

— Спасибо, — видя, что Хэ Чжу слегка опустил голову и выглядит озабоченным, Янь Жунцю мягко прочистил горло. — Не волнуйся, что не добил его. Он ничего тебе не сделает.

— Ни у кого не хватит способностей тронуть моего подчиненного.

Тем временем Цзян Юйнин, чей грязный план был раскрыт, а сам он избит Хэ Чжу до состояния свиной головы, вынужден был приказать ассистенту найти любую отговорку, избежать людей и сбежать под покровом ночи.

В бешенстве! Я просто в бешенстве!

Исказив опухшее, как тыква, лицо, Цзян Юйнин скрежетал зубами от ненависти. Если он не рассчитается за этот счет, то, черт возьми, сам отрежет себе железу и поклянется никогда не быть Альфой!

Спешно добравшись домой, Цзян Юйнин первым делом хотел найти своего отца — если у кого и есть возможности, так это у Цзян Уго. Цзян Уго недавно снова получил повышение, а несколько его промышленных проектов, благодаря связям коллег, идут в гору. Вся семья Цзян переживает период бурного расцвета. Имея и деньги, и власть, разве не плевое дело раздавить какого-то мелкого ассистента?

Более того, можно даже заставить семью Янь изрядно попотеть.

Но, как назло, сегодня вечером Цзян Уго как раз отсутствовал, вероятно, снова отправился кутить на сторону.

Старый черепаший внук, как хорошо ты выбираешь время!

Цзян Юйнин, испытывая боль, усталость и ярость, плюхнулся на кровать в одежде и мгновенно провалился в глубокий сон.

А потом в середине ночи его разбудила сильная пощечина.

Новая боль поверх старых ран — двойное удовольствие. Цзян Юйнин взвыл от боли:

— Какого хрена, какой идиот...

— Твой отец!

У кровати, подобно гневному алмазному идолу, стоял Цзян Уго, из глаз которого, казалось, вот-вот вырвется пламя.

— Папа, ты наконец вернулся! Я... Ай!

Не успев договорить, Цзян Юйнин был сбит с кровати ударом ноги Цзян Уго.

— Не зови меня папой! У меня нет такого сына!

Цзян Юйнин катался по полу, вопя от боли, а Цзян Уго рядом колотил себя в грудь от ярости. Поистине трогательная картина отцовской любви и сыновней почтительности.

— Папа! Что вообще происходит?!

— Ты меня спрашиваешь? У тебя еще хватает наглости меня спрашивать! — Цзян Уго чуть не задушил этого негодяя.

Цзян Юйнин все еще был в замешательстве. Ему было действительно обидно. — Я правда не знаю! Что я такого сделал?

Цзян Уго тяжело дышал. — Скажи мне, зачем ты полез провоцировать семью Янь? А? Ты, черт возьми, с ума сошел?

— Это ассистент Янь Жунцю избил меня! — Цзян Юйнин резко вскочил. — Посмотри на мои раны на лице, да и на теле нет живого места!

— Пусть бьет! Забьет до смерти — и делу конец! — Цзян Уго в изнеможении рухнул на кровать, словно мгновенно постарев. — Конец, все кончено, ты разрушил всю семью Цзян...

— Папа, о чем ты? — Цзян Юйнина будто громом поразило. — Семья Янь, ну, преуспевает в бизнесе, и все. К тому же, здоровье Янь Хэшэна в последние годы не очень, стоит ли так...

— Да заткнись ты, черт возьми! — Цзян Уго, вновь воспламенившись, принялся избивать Цзян Юйнина. — Преуспевает в бизнесе! Если бы все было так, как ты говоришь, разве я бы потерял свою официальную должность?!

Цзян Уго чувствовал смертельную усталость. Вся жизнь, все старания — все разрушено в одночасье. Не только прибыльные проекты, на которые ушло столько сил, лопнули, но самое ужасное — все те грязные дела, связанные с коррупцией, которые он делал в прошлом, вдруг неизвестно как всплыли наружу. Он был осторожен, всегда держался в рамках, поэтому до тюрьмы дело не дошло. Но его компаньонам не повезло — их, как связку крабов, отправили отбывать срок.

Услышав это, Цзян Юйнин окаменел.

— Папа, что... что же нам делать? Мы что, просто сдадимся? Не верю, что они могут все

контролировать!

Цзян Уго, достигнув предела ярости, рассмеялся. — Умоляю тебя, ты мой отец, успокойся и живи тихо, хорошо? А?

Это было невозможно.

Даже если не ради пары паровых булочек, так ради принципа. Цзян Юйнин считал, что сдаваться никак нельзя. Отец — трусливая тыква, а он, черт возьми, нет.

Он должен нанести упреждающий удар, тщательно спланировать черный пиар, создав образ несчастной жертвы насилия. Даже если не получится уничтожить оппонента, то опозорить — обязательно. По крайней мере, нельзя отпускать того коварного очкастого ассистента.

В конце концов, его студия обладает большой силой, а за компанией стоит кинокомпания Сижэнь, которая придает смелости. Раньше, во время столкновений с другими топ-звездами, они всегда заставляли противников несладко хлебнуть.

Он позвонил своему агенту, но трубка была постоянно занята, никто не отвечал. Странно, обычно берут сразу.

Цзян Юйнин швырнул телефон, с гневом выругавшись матом.

Всю дорогу он чувствовал беспокойство, но потом подумал, что, возможно, просто нервничает — разве клан Янь тоже не хочет урвать кусок пирога в индустрии развлечений? Тогда им не стоит соваться к людям из кинокомпании Сижэнь. Хотя он, как и большинство в кругах, не имел возможности увидеть истинное лицо большого босса Сижэнь, но судя по безумно быстрому расширению ее территории в последние годы, тот большой босс обладает невероятными способностями, и с ним лучше не связываться.

Машина остановилась у обочины. Цзян Юйнин, полный боевого духа, хлопнул дверью — и обалдел.

Весь здание опустел, на стеклянных дверях красовалась плотная печать.

Ветер пронесся, подняв несколько листьев, промчавшихся мимо ошеломленной спины Цзян Юйнина.

Телефон агента наконец ответил. По сравнению с обычной вежливостью, сегодня агент вел себя язвительно и злобно, как мачеха.

— Короче говоря, компании больше нет.

Цзян Юйнин...

— Сижэнь уже начала ликвидацию компании и направит людей для урегулирования незавершенных дел. Все сотрудники и зарегистрированные артисты должны ждать указаний головного офиса.

Что за хрень???

Должно быть, это сон?! Вернулся, а компании, черт возьми, уже нет? Просто взяла и исчезла?

<http://bllate.org/book/15591/1389681>